

Н. В. Белоус

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гочара

**ОСОБЕННОСТИ РИТМИЧЕСКОГО СТРОЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ЦИКЛА
«FELS, WALD UND SEE» А. ФОН ДРОСТЕ-ГЮЛЬСХОФ**

Проаналізовано особливості акустичної матерії поезій А. Дросте «Das alte Schloß» и «Im Moose» з циклу «Fels, Wald und See». Дослідження акустичного аспекту віршових творів, їх неповторного звукоряду та ритмометру виявляє чітко впорядковані ритмічні структури як органічний, функціонально навантажений спосіб реалізації семантично складного змісту.

Ключові слова: звукоряд, ритмометр, ритмічний рисунок, поезія, вірш.

Проанализированы особенности акустической организации стихотворений А. Дросте «Das alte Schloß» и «Im Moose» из цикла «Fels, Wald und See». Исследование акустического аспекта поэтических произведений, их неповторимого звукоряда и ритмометра выявляет чётко упорядоченные ритмические структуры в качестве органичного, функционально нагруженного способа реализации семантически сложного содержания.

Ключевые слова: звукоряд, ритмометр, ритмический рисунок, поэзия, стихотворение.

The audio-structural organization of images used to be of interest to poetry scholars and poets alike. Yet, the acoustic features of Droste-Hülshoff's poetry have not attracted much scholarly attention, not even in the Western literature on German studies. At the same time, it is beyond dispute that the poetry's acoustic aspect, its unique scale and rhyth-

mic structure are at the core of the organic and functionally significant realization of any creative image.

This paper deals with Droste-Hülshoff's poems «Das alte Schloß» and «Im Moose», both included in the «Fels, Wald und See» collection and as yet untranslated into both Russian and Ukrainian. The analysis encompassed the determination of the strophe type, such as octave (in «Das alte Schloß») and sixain («Im Moose»); the comparison of the number of stresses and syllables; as well as the identification of the poetical meter, such as choree tetrameter and iambic pentameter, respectively.

Our analysis is framed by the understanding of the poem as a complex nexus of meaning communicating a content that is capacious, superrational, and “impressionist” (as suggested by M. L. Gasparov). This understanding is informed by the valuable ideas of the likes of M. L. Gasparov, V. M. Zhirmunsky, Yu. M. Lotman, and Yu. N. Tynyanov.

The conclusion is that Droste-Hülshoff's early work has been the springboard for her later evolution. At her early formative stage, the author sought to transpose the complex semantic meaning into clearly ordered rhythmic structures. While her mature work is distinguished by technical experiments with broken rhythms, the hallmark of the «Fels, Wald und See» collection is the “correct” and canonic use of scales and structures that had been widespread in the German poetry at the time.

Keywords: scale, rhythmic structure, rhythmic pattern, poetry, poem.

«Вестфальская поэтесса» – Аннета фон Дросте-Гюльсхоф никогда не называла себя так, хотя, как мы полагаем, она имела на то все основания. Однако именно подобное представление связывали с ней авторитетные умы, среди которых – Катарина Шюкинг, почтительно воспринимавшая в творческом «я» поэтессы бесконечную преданность родному краю и стремление запечатлеть все его неповторимые красоты, чтобы передать тем самым специфику местного колорита Вестфалии. Тем не менее по масштабу дарования и силе лирического самовыражения Дросте – не региональная поэтесса, она принадлежит к числу величайших лириков немецкой и мировой литературы.

На сегодняшний день творчество А. фон Дросте-Гюльсхоф недостаточно проанализировано отечественными, а в некоторых аспектах – и зарубежными учеными, хотя, разумеется, что в зарубежной германистике наследие писательницы изучается более подробно и на протяжении уже долгого времени. Среди украинских ученых, которые предметно и системно обращаются к изучению творческих достижений поэтессы, мы можем назвать исследования Богдана Завидняка.

В творчестве А. фон Дросте-Гюльсхоф одним из наиболее плодотворных периодов был конец 1841 – начало 1842 года, когда было написано большинство стихотворений цикла «Fels, Wald und See». Основным концептуальным замыслом цикла является поэтизация прочных связей человека с родной природой, призыв проникнуть в неповторимые пластичные черты и приметы любимого края, погрузиться в своеобразный и бесконечно интересный мир знакомого с детства ландшафтного окружения.

Стихи этого цикла могут быть причислены к пейзажной лирике, но семантическое наполнение их идеями взаимосвязи человека и его окружения, одиночества и растерянности человека перед лицом собственных душевных состояний, интерес автора к тайнам подсознания позволяют говорить о свойственной творчеству А. фон Дросте-Гюльсхоф глубокой художественной философии и антропологии. Мы полагаем, что поэтесса философски осмысливает с ее точки зрения – центральную – для личности и ее самосознания роль бытия человека, преимущественно общественного существа, однако все же вне социума.

В произведении «Im Moose» подробная вводная часть, посвященная впечатлениям гармонии вечернего леса, переходит в картины, которые рисует лирической героине её подсознание («Es sah so dämmernd wie ein Traumgesicht») [6]: мимоходом вспомнившиеся годы детства и сравниваемое с бурными волнами

настоящее плавно перетекают в картины будущего – одиночество, боль, тоска героини, парадоксальным образом даже наблюдаемый ею могильный камень – всё это исчезает одномоментно, когда природа вырывает её из забвения пронзительно резким, но таким земным звуком: «*horch, die Wachtel schlug!*» [6]. Лирическая героиня, почти обессиленная болезненными образами-видениями, находит в себе силы для возвращения домой («*Und taumelte entlang die dunklen Hage*») [6], но душевные переживания не пройдут бесследно, навеки оставив смутное подозрение о возможности воплощения пугающих предсказаний: «*Noch immer zweifelnd, ob der Stern am Rain // Sei wirklich meiner Schlummerlampe Schein // Oder das ew'ge Licht am Sarkophage*» [6].

В стихотворении «*Das alte Schloß*» авторская героиня совершает путешествие по семейному замку, который, хоть и знаком ей с детства, всё ещё имеет много неисследованного и загадочного. Знакомая атмосфера (башня, собственная комната, терраса, вал), подчинение монотонному образу жизни в замке «*Ist mir selber oft nicht deutlich, // Ob ich lebend, ob begraben!*» [5], настроения покорности и заманчивого умиротворения сменяются зловещей, но притягательной атмосферой тревоги и роковой опасности во время перемещения по залу, по лестнице, в небезопасный подвал: «*Die mich lockt wie ein Verhängnis*» [5]. Тем не менее, героиня стойчески воспринимает наглядные примеры тлена и быстротечности бытия и в последней строфе приобретает уверенность в душевных силах вопреки приметам разрушения материального вокруг неё: «*Fühl' ich stark mich wie ein Hüne, // Von Zerfallendem umgeben*» [5]. Стихотворения цикла объединены идеей тесной связи лирической героини с окружением – неживой природой и зданием, как и полным отсутствием людей рядом, несмотря на осознание общественных законов и упоминание социальных контактов («*Gesichter, die mir lange fremd geworden*»; «*Die Bilder meiner Lieben*»; «*Dran Namen standen, die mein Lieben kennt*»; «*die grauen Ahnenbilder*») [5], что свидетельствует о принадлежности этих произведений не только (или не столько) к пейзажной, сколько к философской лирике.

Именно живая или неживая, но неизменно одухотворенная природа и её проявления в окружающем мире руководят внутренним состоянием героини, создают палитру её настроений – это идиллия, исследовательский дух, страх, противостояние, слияние и единение, наконец – восторг. Хотя её действия неизменно продиктованы трезвым взглядом на жизнь, её внутренняя сила придаёт ей физическую энергию для движения вперёд, душевные силы героиня и черпает, и возвращает своей маленькой Родине, природе родной местности, семейному наследию. Душевные переживания поэтессы предстают в этом цикле отвлеченными от живого круга окружающих и вне социума, они богаты образами, воспоминаниями, предчувствиями, но проистекают исключительно из впечатлений природного (пейзажного) и материально осязаемого окружения, и им же героиня многословно и ярко открывает свои чувства и высказывает свою благодарность, таким образом одухотворяя их.

Специфика структурно-звуковой организации образной материи стихотворения всегда и неизменно интересовала как теоретиков стиховедения, так и самих поэтов, мастеров практики версификации. Вместе с тем по отношению к избранному аспекту следует отметить: специальных исследований, посвящённых изучению особенностей акустической материи стиха Дросте, не так уж много, даже в зарубежной германистике. Тем не менее неоспоримо, что акустический аспект стихотворного произведения, его неповторимый звукоряд и ритмометр играют роль органичного, функционально нагруженного способа реализации художественного образа поэтессы.

В процессе анализа материала мы опираемся на ценные работы известных учёных, таких как М. Л. Гаспаров, В. М. Жирмунский, Ю. М. Лотман, 88

Ю. Н. Тынянов, и исходим из предпосылки, что стихотворение – это смысловая структура особой сложности [4, с. 118], необходимая для выражения семантически ёмкого, часто – словесно невыразимого, сверхрационального, «импрессионистичного» (по М. Л. Гаспарову) содержания.

Понятие ритма принадлежит к наиболее общим и общепринятым признакам стихотворной речи. Пьер Гиро, определяя природу ритма, пишет, что «метрика и стихосложение составляют преимущественную область статистической лингвистики, поскольку их предметом является правильная повторяемость звуков, таким образом, стих определяется как отрезок, который может быть с легкостью измерен» [3, с. 54].

Под ритмом в системе версификации принято понимать правильное чередование, повторяемость одинаковых элементов. Ритм в стихе является смыслообразующим элементом, причем, входя в ритмическую структуру, смыслоопределяющий характер приобретают и те языковые элементы, которые в обычном употреблении его не имеют. Важно и другое: стиховая структура выявляет не просто новые оттенки значений слов – она вскрывает диалектику понятий, ту внутреннюю противоречивость явлений жизни и языка, менталитета и реальности, для обозначения которых обычный язык не имеет специальных средств [3, с. 55].

Б. В. Томашевский в своих последних работах отмечал, что ритмический закон, конечно, не вытекает механически из свойств языка: иначе все бы мы говорили и писали стихами. Каждый язык имеет свой особенный ритмический материал, и поэтому в каждом языке вырабатывается своя метрическая система [2, с. 364].

Для детального анализа ритмической структуры мы обратились к стихотворениям А. фон Дросте-Гюльсхоф из цикла «Fels, Wald und See»: «Das alte Schloß» и «Im Moose». «Das alte Schloß» состоит из 5-ти строф, в каждой строфе по 8 стихотворных рядов. Вид строфы – октава.

Скандовка 1 строфы стихотворения «Das alte Schloß» такова:

Auf| der| Burg| haus'| ich| am| Ber|ge, / Un|ter| mir| der| blaue| See, / Hö|re| nächt|lich|
 Ko|bold|zwer|ge, / Täg|lich| Ad|ler| aus| der| Hö|h', / Und| die| grau|en| Ah|nen|bil|der /
 Sind| mir| Stu|ben|ka|me|ra|den, / Wap|pen|truh'| und| Ei|sen|schil|der / So|fa| mir| und|
 Klei|der|la|den.

Ритмическая структура первой строфы организована следующим образом:

1. /-/-/-/- 2. /-/-/-/- 3. /-/-/-/- 4. /-/-/-/- 5. /-/-/-/- 6. /-/-/-/- 7. /-/-/-/- 8. /-/-/-/-.

В стихотворении ударения падают на первый, третий, пятый и седьмой слоги. По принятой терминологии в силлабо-тоническом стихосложении, основанном на принципе ударности и счета слогов между ударениями, стихотворение написано четырёхстопным хореем.

Стихотворение «Im Moose» состоит из 8-ми строф, в каждой строфе по 6 стихотворных рядов. Вид строфы – секстина.

Скандовка 1 строфы стихотворения «Im Moose»:

Als| jü|ngst| die| Nacht| dem| son|nen|mü|den| Land / Der| Däm|mrung| lei|se| Bo|ten|
 hat| ge|sandt, / Da| lag| ich| ein|sam| noch| in| Wal|des| Moo|se. / Die| dunk|len| Zwei|ge|
 nick|ten| so| ver|traut, / An| mei|ner| Wan|ge flüs|ter|te| das| Kraut, / Un|sicht|bar| duf|te|te|
 die| Hai|de|ro|se.

Ритмическая структура первой строфы выглядит следующим образом:

1. -/-/-/-/- 2. -/-/-/-/- 3. -/-/-/-/- 4. -/-/-/-/- 5. -/-/-/-/- 6. -/-/-/-/-.

Анализируя стихотворение, можно отметить, что число ударений одинаковое – по 5 в каждой строке, эти ударения падают в правильном ритме на одни и те же слоги в каждой строке (2-4-6-8-10 слоги), во всех четных слогах ударение падает на первый слог, то есть перед нами – пятистопный ямб.

Напомним наблюдение Н.Г. Чернышевского, согласно которому в немецком языке средний объем слова приближается к двум слогам: поэтому речевой материал легко укладывается в бинарную и хореическую альтернатию [2, с. 367]. Уместно сослаться также на крупнейшего теоретика стихосложения – согласно М.Л. Гаспарову, в немецком стихе господствуют двусложные размеры с почти постоянными ударениями на сильных позициях. Соотношение ударных и безударных слогов в немецком языке приближается к 1:1 [1, с. 161]. Эту закономерность можно наглядно увидеть на материале стихотворений «Das alte Schloß» и «Im Moose». В первой строфе стихотворения «Das alte Schloß» видно, что соотношение слогов в 1, 2, 5, 6, 7, 8 стихотворных рядах составляет 4:4, а во 2 и 4 – 4:3. Рассматривая первую строфу стихотворения «Im Moose», можно заметить, что соотношение слогов в 1, 2, 4, 5 стихотворных рядах составляет 5:5, а в 3 и 6 – 5:6.

В немецком языке, как подчеркивает М. Л. Гаспаров, ударение традиционно приходилось на корень и тяготело, скорее, к началу слова [1, с. 139]. Это наблюдение имеет силу также для нашего материала. Например, в стихотворении «Das alte Schloß» ударный односложный лексический ряд выглядит так: Burg, See, Adler, Geist, Stadt, pfeift, hohl, lang, stark, в стихотворении «Im Moose»: Nacht, Land, Wange, Kraut, Licht, Baum, Staub, Schlag.

Как отмечает В. М. Жирмунский, в результате фонетической редукции неударных слогов в процессе исторического развития немецкого языка все слова германского происхождения без префиксов или суффиксов стали односложными или двусложными (с ударением на первом слоге) [2, с. 367]. Проследим в таком ракурсе материал стихотворений «Das alte Schloß» и «Im Moose».

Односложные слова:

существительные: Burg, Geist, Stadt, Seite, Grund, Bahn, Nacht, Baum;

прилагательные: hohl, lang, stark, fremd;

глаголы: pfeift, gähnt, dröhnt, lockt, lag, sah, stand, schlug.

Двусложные слова:

существительные: Berge, Sofa, Knaben, Seite, Lampe, Rampe, Orkan, Gnade, Düne, Strande, Hüne, Dämmrung, Zweige, Wange, Kammer, Welle, Borden;

прилагательные: nächtlich, täglich, deutlich, grauen, flachen, dunklen, frischen;

глаголы: scheinen, heben, nickten, wusste, trafen, dachte, hörte, tauchten, summten, standen, schüttelte, taumelte.

Трехсложные субстантивные слова, как и многосложные, кроме главного ударения (Hauptton), имеют побочное, второстепенное (Nebenton), например, в стихотворении «Das alte Schloß» побочные ударения имеют:

Koboldzwerge, Ahnenbilder, Stubenkameraden, Wappentruh', Eisenschilder, Kleiderladen, Runenstein, Wendelstiege, Riegelzüge.

В стихотворении «Im Moose», например: Traumgesicht, Blätterflöckchen, Kinderspiel, Liebespfande, Schlummerlampe.

Согласно В.М. Жирмунскому, при наличии неударного префикса трехсложная форма имеет ударение на среднем слоге, то есть беспрепятственно укладывается в ямбическую альтернатию [2, с. 367], например в стихотворении «Das alte Schloß»: Gefängnis / -/, Verhängnis / -/, begraben / -/, zerfallen / -/, gerufen / -/, umgeben / -/.

Поскольку ударение определяется не абсолютным акцентным весом данного слога, а его отношением к весу соседних слогов, в немецком языке, согласно справедливому указанию Якоба Минора, невозможна последовательность трех и более неударных слогов, без того, чтобы один из них не выделялся ударением по сравнению с другими [2, с. 367].

Немецкие двусложные размеры являются господствующими в немецкой поэзии. Однако на самом деле ритмическое разнообразие двусложных размеров порождается в немецком языке специфическими для них средствами: относительной силой ударения, чередованием главных и побочных ударений различной силы [2, с. 368].

Этот ритмический рисунок придает произведениям четкость и гибкость, выражает лирические переживания поэтессы, наполняет стихотворения эмоциональным звучанием, а меняющееся ритмическое ударение дает большую поэтическую свободу автору, что способствует художественной выразительности произведения.

На основе анализа можно прийти к выводу, что сочинения данного цикла А. фон Дросте-Гюльсхоф являются для автора мастерской поэтического становления. Дросте тяготеет к «правильным» ритмометрам, воплощает семантически сложный смысл при помощи четко упорядоченных ритмических структур, расчлененных и создающих гармонизирующий эффект благозвучия. Это существенно для понимания творческого наследия поэтессы, поскольку в перспективе эволюции А. фон Дросте-Гюльсхоф подобные начинания сменяют экспериментальные, рваные и ломаные ритмы, что отражает усиливающиеся со временем настроения разочарования, тревоги, тоски, маркирует переход к зрелому, лишенному иллюзий и в принципе неидиллическому восприятию жизни. Наши наблюдения высказываются применительно к творчеству Дросте впервые, они основаны на аналитическом прочтении лишь некоторых, отдельных поэтических сочинений автора, и могут быть углублены в ходе дальнейшего исследования.

Библиографические ссылки

1. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха / М.Л. Гаспаров. – М. : Фортуна Лимитед, 2003. – 272 с.
2. *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. / В. М. Жирмунский. – Л. : Наука, Ленинград. отд., 1977. – 404 с.
3. *Лотман Ю. М.* О поэтах и поэзии: Анализ поэт. текста / Ю.М. Лотман, М.Л. Гаспаров. – СПб. : Искусство-СПб, 1996. – 846 с.
4. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство-СПб, 1998. – С. 14–285.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lwl.org/LWL/Kultur/Droste/Werk/Lyrik/Ausgabe_1844/AlteSchloss/index2_html
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lwl.org/LWL/Kultur/Droste/Werk/Lyrik/Ausgabe_1844/Moose/

Надійшла до редколегії 20.02.2015 р.

УДК 821.161.1

Е. А. Ляшенко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНСКИХ ХАРАКТЕРОВ В РУССКОЙ СВЕТСКОЙ ПОВЕСТИ

На початок другого десятиліття ХІХ ст. романтизм займає ключове місце в динаміці літературних напрямків у Росії, виявляючи більш-менш повно свою національну своєрідність. Жінка в літературних текстах зазначеного періоду виступає в якості дороговказної зірки, ідеального морального мірила, спокутної жертви. Головна героїня зазвичай зображується у світлі почуттів і дві основні події, що